

Максим Воробьев. «Площадь св. Терезы в Палермо», 1845–1846 годы

Борис Иофан. «Венецианский вид. Большой канал с церковью Санта-Мария-делла-Салюте», 1934 год

Борис Кустодиев. «Кони у собора св. Марка в Венеции», 1907 год

Александр Каминский. «Колизей», 1860 год

цианского университета министру Владимиру Мединскому, вызвавшему международный скандал. Очевидно, что профессор классической филологии Понтани, (специалист по древнегреческой поэзии, Каллимах, Пиндар и т.д.) поднявший коллег на борьбу путем сравнения министра с конем, введенным императором Калигулой в состав римского Сената с использованием административного ресурса, сделал это по заданию Госдепа. Но, даже убирая в сторону этот прискорбный случай — 200 профессоров университета и больше тысячи студентов подписали требование отозвать у уважаемого Мединского этот титул, что, я так понимаю, нужно квалифицировать как... тут нужно поточнее выразиться... как пример вопиющего разгула продажных девок американского империализма — все равно название «Только Италия!» звучит тревожно. Причем этот упрек нужно адресовать не столько даже кураторам, Владимиру и Ирине Седовым, сколько архитекторам и художникам, которые вместо того, что надо, рисуют только Италию, и уже сколько времени. Тут нужно что-то делать, и для начала хотя бы разобраться в причинах. Вот зачем главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов рисует только Италию? Поможет ли ему графическое изучение крошечной церкви Санта-Мария Донато Браманте, пристроенной к церкви Сан-Сатино в Милане, в решении масштабных задач по реконструкции Триумфальной площади? Поручал ли ему Сергей Собянин изготавливать вид палаццо Малипьеро Тревизан в Венеции (там тушь и белита, очень изысканная техника)? Я почти уверен, что нет. И это опять же это так издавна повелось. Те наши государственные деятели, которые, как теперь выясняется, не вполне прозорливо ориентировали нашу страну в европейском направлении, вовсе не имели в виду именно Италию. Их интересовали страны, наиболее продвинутые в военном и экономическом отношении. Петр Великий любил Голландию и Англию, и не просто так, а в том смысле, что

эти страны контролировали морскую торговлю и очень продвинулись в направлении артиллерии. Павел любил Пруссию, Александр — Англию, а Николай — Германию в той же парадигме. А Италия — ее за что ж любить? В тот момент, когда художники и архитекторы живописали ее прелести, это было ничтожное в политическом смысле образование, конгломерат государств, не являющихся центрами силы в геополитическом диалоге, да и в экономическом отношении тоже. А они рисовали как подорванные! Италия для некоторых русских — это Европа как художественный проект, Европа без политики и денег, Европа как прекрасное само по себе. Рисование — это род присвоения, и когда ты рукой выводишь, как растет колонна, как уходит вдаль перспектива, как загибается улица, как крутится колоннада — ты будто касаешься нечуждого, гладишь воздух, из которого это соткано, и именно поэтому архитектурный рисунок — это нечто вроде романа в письмах, то изумительно архитектурного, как «Опасные связи» Шодерло де Лакло, то несколько сумбурного, как «Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо. Это — «Только Италия!» — любовь к Европе у тех, кто появился в России не по плану с точки зрения государственных или коммерческих интересов, людей, выросших без толку, как сорняки на поле государственной европеизации. Любовь русской культуры. И какая! Во-первых, она основана на идее «нашей Италии». Настоящие итальянцы — они же не понимают, где они живут и что вокруг них. На рисунках они либо отсутствуют, либо появляются в виде стафажных фигурок где-то сбоку, занятых ничтожными делами. Знаете, и на Красную площадь может забрести таджикский дворник без понимания государственного величия этого святого места — вот так и итальянцы ходят по развалинам античного Рима и среди великолепия барочных церквей и палаццо без чувствования художественного значения этой святой земли. Нет, только мы, знающие, кто такой Браманте, про-

валивавшие экзамены по ренессансной архитектуре именно на этой Санта-Мария-прессо-Сан-Сатино, можем почувствовать холодящий восторг воплощенной мечты, когда она вдруг появляется перед нами. Во-вторых, она прекрасна, эта «только Италия», наша любовь, и она так прекрасна, что хочется сделать ее еще попрекраснее. Поразительный жанр архитектурной графики — архитектурная фантазия, когда те же античные руины, ренессансные и барочные шедевры, каналы, улицы и сады начинают как-то перестраиваться на листе бумаги, чтобы сделаться еще лучше, еще изысканнее, величественнее и краше. О, любимая, ты сама не знаешь, как ты прекрасна, и кстати дай-ка вот тут я тебе еще подрисую, а вот здесь мы убежим. Чудо! И главное, что же в ней так нам нравится? Страшно признаваться в этом, но ведь это — империя. Та самая первая империя, из которой появились все остальные, тот самый Рим. Или тот самый Ренессанс, Италия жадных торговцев, политических интриганов и кондотьеров. Но только — без них. Они все пали, исчезли, вымерли, все разнообразно наказуемы в дантовом Аду, и туда им и дорога. А мир их величия, изысканности, изощренности, красоты — достался нам. И тут кстати есть вопрос, что нам больше нравится — что это теперь наше или что империя пала? Знаете, Рим пал, Бастилия пала, и мне что-то нездоровится. В 1946 году, после того как Черчилль произнес свою Фултонскую речь, у нас было запрещено изучение английского искусства. Ни тебе Гейнсборо, ни Тёрнера — никого нельзя, книги перестали выходить, исследователей пересажали, и довольно долго, до поздней оттепели, эта отрасль искусствознания как-то не развивалась. Пора, мне кажется, что-то делать с Италией. Как это «Только Италия»? «Только Россия!» было бы прекрасно во всех отношениях, можно было бы сделать «Только Китай!», хотя правильнее было бы «Не только Китай!», но «Только Италия!»? Это же член НАТО!